

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

А.Л. Репецкая^{1, 2}, Т.С. Кононыхина³

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

³ Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

27 сентября 2021 г.

Дата принятия в печать

29 ноября 2021 г.

Дата онлайн-размещения

28 декабря 2021 г.

Ключевые слова

Женская преступность; региональная преступность; виктимология; виктимизация; виктимологическая характеристика; виктимологическая профилактика

Аннотация. Статья посвящена характеристике виктимизации от преступлений, совершенных женщинами в Иркутской области и Забайкальском крае, а также характеристике личности потерпевшего от указанных посягательств, закономерностям поведения преступника и потерпевшего в процессе виктимизации, их взаимоотношениям и социальным связям. В ходе исследования, проведенного на основании статистического анализа и результатов изучения 250 уголовных дел, авторы пришли к ряду выводов, среди которых, в частности, можно назвать следующие. Виктимизация в рассматриваемых регионах имеет неблагоприятные тенденции, ее уровень увеличивается, причем в Иркутской области это происходит более быстрыми темпами, чем в Забайкальском крае. В структуре региональной виктимизации доминируют преступления против собственности, остальные доли образуют преступления против жизни и здоровья, против семьи и несовершеннолетних, а также против здоровья населения и общественной нравственности. Характерными чертами потерпевших от региональной женской преступности являются возрастная виктимность потерпевших, которой обладал каждый второй в Забайкальском крае и каждый третий в Иркутской области, а также значительная виктимогенная деформация личности у большинства потерпевших среднего возраста. У таких жертв отмечено виновное (неправомерное, аморальное или легкомысленное) поведение, в котором и реализуется их личностная виктимность.

На основании полученных результатов авторами выработана система мер виктимологической профилактики, направленной на блокировку и нейтрализацию выявленных виктимогенных факторов. Предложены правовые, организационные, информационные, воспитательные меры, а также меры восстановительного и процессуального характера. Учет региональных особенностей виктимизации, личности потерпевшего от преступлений, виктимного поведения жертв поможет сделать виктимологическую профилактику более эффективной.

Original article

VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY WOMEN (REGIONAL ASPECT)

Anna L. Repetskaya^{1, 2}, Tatyana S. Kononykhina³

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation

³ Chita institute (branch) of Baikal State University, Chita, the Russian Federation

Article info

Received

2021 September 27

Accepted

2021 November 29

Abstract. The authors discuss the victimization characteristics of crimes committed by women in Irkutsk and Transbaikalian Regions, the characteristics of the personality of the victim of these infringements, the behavioral patterns of the criminal and the victim in the process of victimization, their relationships and social connections. The research, based on the statistical analysis and study of 250 criminal cases, allowed the authors to come to a number of conclusions, including the following ones. Victimization trends in

Available online
2021 December 28

Keywords

Female crime; regional crime;
victimology; victimization;
victimological characteristics;
victimological prevention

the regions under consideration are unfavorable, the victimization level is growing, and the growth rate is higher in Irkutsk Region than in Transbaikalian Region. The structure of regional victimization is dominated by crimes against property, while other types in this structure are crimes against life and health, family and minors, as well as against health of the population and public morals. Characteristic features of victims of regional female crimes are age victimity, as every second victim in Transbaikalian Region and every third in Irkutsk Region has it, and a considerable victimogenic personality deformation of most middle-aged victims. Such victims show guilty (unlawful, amoral or light-minded) behavior, which is the manifestation of their personal victimity. Using the obtained results, the authors worked out a system of victimological prevention measures aimed at stopping and neutralizing the identified victimogenic factors. They suggest legal, organizational, information, educational measures, as well as measures of rehabilitation and procedural nature. Taking into account the regional specifics of victimization, the personality of crime victims, their victim-like behavior can make the practice of victimological prevention more effective.

Введение

Преступления, совершаемые женщинами, не только создают угрозу безопасности различных общественных отношений и интересов, но и значительно влияют на духовно-нравственное состояние общества, его культуру, уровень конфликтности в нем. В этой связи возникает необходимость изучения женской преступности в качестве самостоятельного вида преступности для наиболее эффективного противодействия ей.

При осуществлении настоящего исследования использовался комплексный подход, позволяющий понять закономерности поведения не только преступника, но и потерпевшего в ситуации совершения против него преступления, оценить факторы, влияющие на принятие решения о совершении преступления, и, соответственно, расширить диапазон мер противодействия преступлениям, совершаемым женщинами. Иными словами, изучалась виктимологическая характеристика указанных преступлений с учетом их региональных особенностей.

Такой подход обусловлен тем, что регионы, имеющие разные социально-экономические, демографические, климатические, культурные особенности, различаются содержанием и интенсивностью как криминализации, так и виктимизации населения данной территории как в целом, так и по отдельным видам преступности.

Следует заметить, что характеристики преступности женщин в разные периоды в целом по Российской Федерации неплохо изучены [1–3]. В этой связи авторы уделили внимание менее изученной региональной виктимологической характеристике преступлений, совершенных женщинами в современный период (2010–2020 гг.) на территории наиболее криминализированных субъектов в Сибирском федеральном округе (Иркутская область), в Дальне-

восточном федеральном округе (Забайкальский край). При проведении исследования использовались преимущественно методы статистического анализа, а также изучения документов (уголовных дел)¹.

Основные результаты виктимологического исследования

Анализ виктимизации населения от преступности женщин в указанных регионах по укрупненным периодам (пять лет) свидетельствует об увеличении уровня виктимизации за последние десять лет. Между тем данный уровень в Иркутской области рос более быстрыми темпами, чем в Забайкальском крае, а коэффициент виктимизации в этом регионе был выше в течение всего периода: на 9,0 % в 2010 г. и на 32,3 % в 2020 г. (табл. 1)². Иными словами, динамика виктимизации в Иркутской области отличается более негативными тенденциями, имеет прямолинейный характер, а ее уровень значительно выше, чем в Забайкальском крае.

Стоит заметить при этом, что максимальный уровень виктимизации от преступлений, совершенных женщинами, в Иркутской области был зафиксирован 20 лет назад (5 083 потерпевших в 2001 г.), после чего наблюдается волнообразная тенденция его изменения со стабильным повышением показателей в конце периода.

Динамика структуры виктимизации в исследуемых регионах демонстрирует более устойчивую и в целом сходную картину по показателям удельного веса видов преступлений,

¹ В процессе исследования были изучены материалы 250 уголовных дел в отношении женщин-преступниц, рассмотренных судами Забайкальского края, Иркутской области в 2010–2019 гг.

² Все расчеты относительных показателей, приведенных в статье, произведены авторами.

Таблица 1 / Table 1

Динамика виктимизации потерпевших от женской преступности в Иркутской области и Забайкальском крае в 2010–2020 гг.

Dynamics of the victimization of victims of female crime in Irkutsk Region and Transbaikalian Region

Показатель / Indicator	Иркутская область / Irkutsk Region			Забайкальский край / Transbaikalian Region		
	2010	2015	2020	2010	2015	2020
Всего потерпевших (абсолютный показатель), чел. / Total N of victims (absolute indicator), persons	3 169	4 192	4 161	1 339	1 673	1 382
Темпы прироста абсолютных показателей числа потерпевших (базовый метод), % / Growth rate of the absolute indicators of the N of victims (base method), %	–	+32,3	+31,3	–	+24,9	+3,2
Коэффициент виктимизации (на 100 тыс. чел.) / Victimization coefficient (per 100 th. people)	132,0	174,6	173,4	121,7	154,9	131,6
Темпы прироста коэффициента виктимизации, % / Victimization coefficient growth rate, %	–	+32,2	+31,0	–	28,0	+7,8

Таблица 2 / Table 2

Динамика структуры виктимизации от преступлений, совершенных женщинами в Иркутской области и Забайкальском крае (2018–2020 гг.)*

Dynamics of the victimization structure of crimes committed by women in Irkutsk Region and Transbaikalian Region (2018–2020)

Виды преступлений / Types of crimes	Удельный вес потерпевших, % / Specific weight of victims, %					
	В Иркутской области / Irkutsk Region			В Забайкальском крае / Transbaikalian Region		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Преступления против жизни и здоровья / Crimes against life and health	18,1	16,9	16,0	19,2	18,4	18,2
Преступления против семьи и несовершеннолетних / Crimes against family and minors	11,4	8,2	9,3	9,4	10,2	11,1
Преступления против собственности / Crimes against property	56,6	57,4	59,3	54,2	54,9	57,2
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / Crimes against health of the population and public morals	8,6	7,2	5,0	10,1	8,4	9,1
Преступления против порядка управления / Crimes against order of governance	3,0	4,1	4,5	4,9	4,7	3,7
Иные преступления / Other crimes	2,3	6,2	5,9	2,2	0,4	0,7

* Составлена по данным отчета УМВД Российской Федерации.

совершенных женщинами (табл. 2). Поскольку детерминанты преступности, влияющие на ее качественную характеристику, нестабильны, структура рассматривалась в коротком динамическом ряду (2018–2020 гг.).

Самыми распространенными в структуре женской преступности традиционно оказались преступления против собственности (от 55 до 60 %), преступления против жизни и здоровья населения занимают второе место (16–19 %), преступления против семьи и несовершенно-

летних — третье (8–11 %). Почти вплотную к ним примыкают преступления против здоровья населения и общественной нравственности (7–10 %), причем доля этих преступлений в 2020 г. в Забайкальском крае была в 2 раза выше, чем в Иркутской области. Незначительную долю составляют преступления против порядка управления (менее 5 %) и иные преступления (см. табл. 2).

Таким образом, структура виктимизации от преступлений, совершенных женщинами, имеет ограниченный характер по сравнению с об-

щей структурой преступности. Абсолютное доминирование в структуре виктимизации имеют преступления против собственности, удельный вес которых значительно выше, чем в общероссийской структуре преступности. Еще более высокой при аналогичном сравнении является доля преступлений против жизни и здоровья — это фактически каждое пятое региональное преступление, совершенное женщинами, тогда как в общероссийской структуре преступности доля указанных преступлений не превышает 12–13 %. Причем в Забайкальском крае удельный вес этих преступлений в среднем на 2 % выше, чем в Иркутской области. Думается, что это связано с общим более высоким уровнем криминализации общества в исследуемых субъектах, а также более неблагоприятной социально-экономической ситуацией в данных регионах.

Между тем наиболее интересными представляются результаты сравнительного анализа личностных характеристик жертв преступлений женщин в исследуемых регионах.

Так, при анализе социально-демографической характеристики потерпевших по признаку пола установлено, что в Иркутской области доля мужчин преобладает на протяжении всего рассматриваемого периода и составляет около 76 % в структуре потерпевших от преступных посягательств женщин, тогда как в Забайкальском регионе количество потерпевших мужчин на 25 % меньше. В целом в структуре потерпевших

от преступлений женщин в Забайкальском крае мужчин и женщин приблизительно равное количество (табл. 3).

При дифференциации структуры потерпевших по возрасту выявлены значительные особенности в виктимизации разных возрастных групп в исследуемых регионах как в статике, так и в динамике. Так, на конец периода в Иркутской области несовершеннолетних жертв было выявлено 18 % (из них только 4 % — в возрасте до 14 лет), тогда как в 2016 г. таких жертв было 14 % (из них до 14 лет — 10 %). В результате не только выросла доля таких жертв, но и значительно изменилось соотношение в пользу более старшей группы (14–17 лет) (рис. 1).

В Забайкальском крае на конец периода несовершеннолетних жертв преступлений женщин было выявлено 34 % (каждый третий потерпевший — несовершеннолетний). Этот массив фактически в 2 раза больше, чем в Иркутской области, при этом потерпевших лиц в возрасте до 14 лет зарегистрировано в 5 раз больше, чем в Иркутской области (22 % против 4 %). Еще три года назад жертв этой категории в Забайкальском крае было всего 2 %, т.е. удельный вес данной категории потерпевших за столь короткий период вырос в 11 раз (рис. 2).

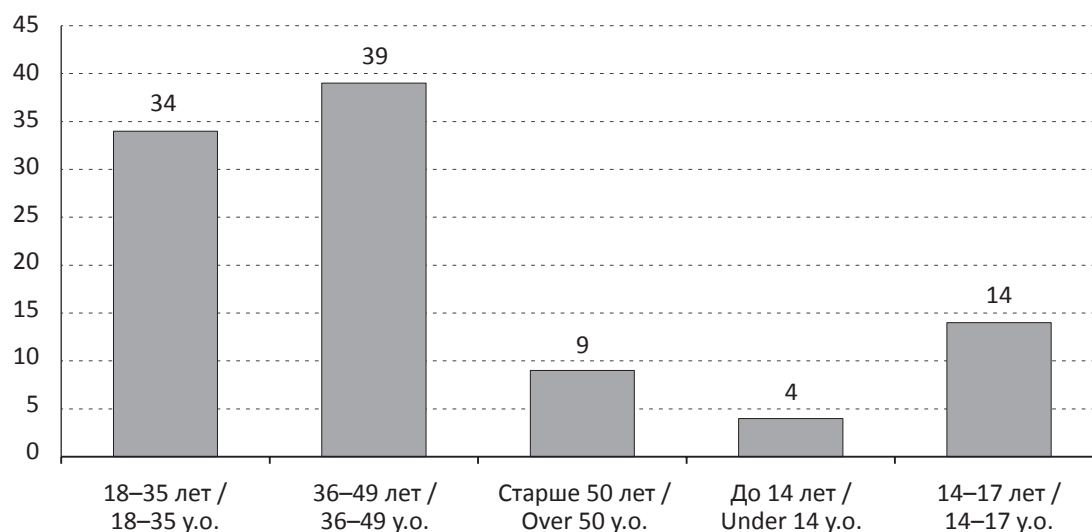
Дети наиболее часто страдают от насильственных преступлений, поскольку в силу своего возраста и развития становятся помехой для удовлетворения женщиной своих личных

Таблица 3 / Table 3

Динамика структуры потерпевших от женской преступности по признаку пола в Иркутской области и Забайкальском крае (2018–2020 гг.)

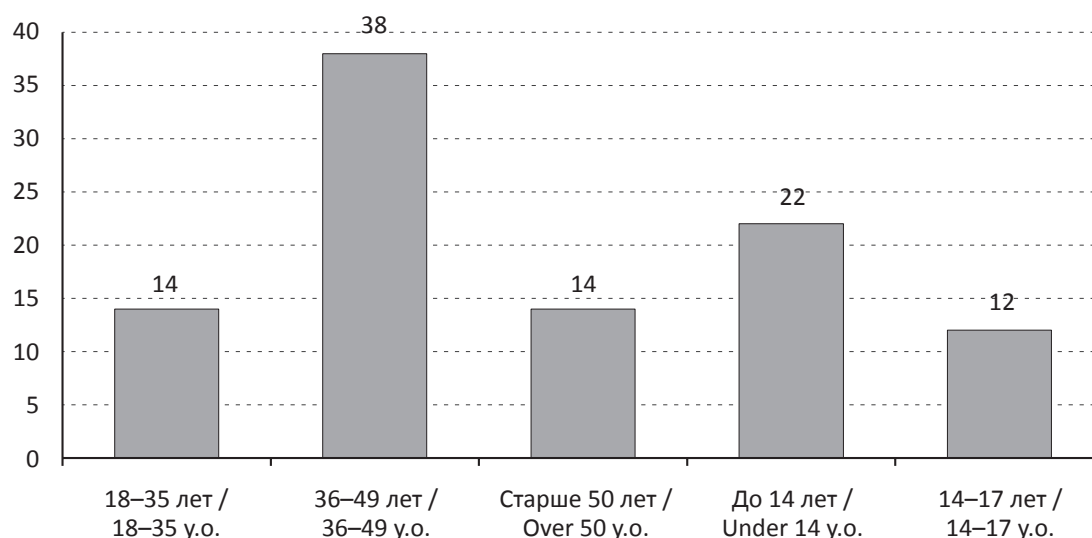
Dynamics of the gender structure of victims of female crime in Irkutsk Region and Transbaikalian Region (2018–2020)

Год / Year	Количество потерпевших мужчин, чел. / N of male victims, persons	Удельный вес, % / Specific weight, %	Количество потерпевших женщин, чел. / N of female victims, persons	Удельный вес, % / Specific weight, %
<i>Иркутская область / Irkutsk Region</i>				
2018	3 356	75,7	1 078	24,3
2019	3 423	77,7	983	22,3
2020	3 179	76,4	982	23,6
<i>Забайкальский край / Transbaikalian Region</i>				
2018	718	53,9	612	46,1
2019	718	50,4	706	49,6
2020	712	51,5	670	48,5

Рис. 1. Характеристика потерпевших от женской преступности в Иркутской области по возрасту в 2019 г., %

Fig. 1. Age distribution of victims of female crimes in Irkutsk Region in 2019, %

Рис. 2. Характеристика потерпевших от женской преступности в Забайкальском крае по возрасту в 2019 г., %

Fig. 2. Age distribution of victims of female crimes in Transbaikalian Krai in 2019, %

потребностей. Кроме того, уход за детьми требует серьезных как психологических, физических усилий, так и материальных затрат, что также может привести к насилию над ребенком или его убийству [4, с. 64], а также совершению других преступлений против несовершеннолетних.

Несколько улучшилась ситуация в Забайкальском крае с виктимизацией пожилых жертв (старше 50 лет), которых на конец периода было выявлено 14 % против 33 % в 2016 г. Тогда каж-

дый третий потерпевший был в возрасте старше 50 лет. В Иркутской области ситуация с виктимизацией старшей возрастной группы от преступлений женщин более стабильна: ее удельный вес варьировал в сторону снижения с 12 % в 2016 г. до 9 % в 2019 г.

В целом группа потерпевших с возрастной виктимностью в Забайкальском крае является доминирующей и составляет 48 % в структуре потерпевших других возрастов. В Иркутской области таких потерпевших было только 27 % на

конец периода, что свидетельствует о том, что в этом регионе потерпевшими становились люди средних возрастных групп.

Анализ потерпевших от преступлений женщин по национальному признаку показал, что доминирующей группой жертв в обоих субъектах были русские, которые в целом преобладают в общей структуре населения: в Забайкальском крае — 87 %, в Иркутской области — 91 %. При этом доля бурят в структуре потерпевших почти в 2 раза выше в Забайкалье (7 % против 4 %) при равной доле иных национальностей — 6 %.

На виктимизацию потерпевшего существенно влияет его социальный статус и род занятий. Результаты проведенного исследования показали, что в 2019 г. в Иркутской области и Забайкальском крае около 40 % потерпевших от преступности женщин были лицами, официально не трудоустроенными и не имеющими постоянного источника дохода, у многих из них не было определенного рода занятий, в связи с чем значительную часть времени такие лица проводили, употребляя алкоголь или наркотические вещества. Стоит заметить, что три года назад эта доля была существенно выше (57,6 %).

Большая часть этих лиц обладает виктимогенной деформацией личности, в результате их роль в механизме виктимизации может быть как способствующей преступлению, так и провоцирующей его. Например, при совершении насильственных преступлений может наблюдаться обострение конфликтности между преступницей и потерпевшим (как правило, взрослым мужчиной), находящимся в состоянии опьянения [5, с. 35]. В результате аддиктивное поведение потерпевшего, обусловленное употреблением алкоголя или наркотических веществ, в совокупности с другими свойствами такой личности (эгоизм, деспотизм, агрессивность и т.п.) в значительной степени влияет на принятие решения о причинении ему вреда в результате преступного посягательства. Да и само по себе состояние опьянения нередко способствует виктимизации жертвы, так как затрудняет способность человека к правильной оценке обстоятельств, предшествующих преступлению, и снижает способность к сопротивлению [6, с. 94].

Продолжая анализ социального положения потерпевших, отметим, что почти треть из них (31 %) имели официальный источник дохода и были трудоустроены; 15 % учились (в 2016 г. таких потерпевших было в 2 раза меньше); на долю предпринимателей пришлось 7 %; 4 %

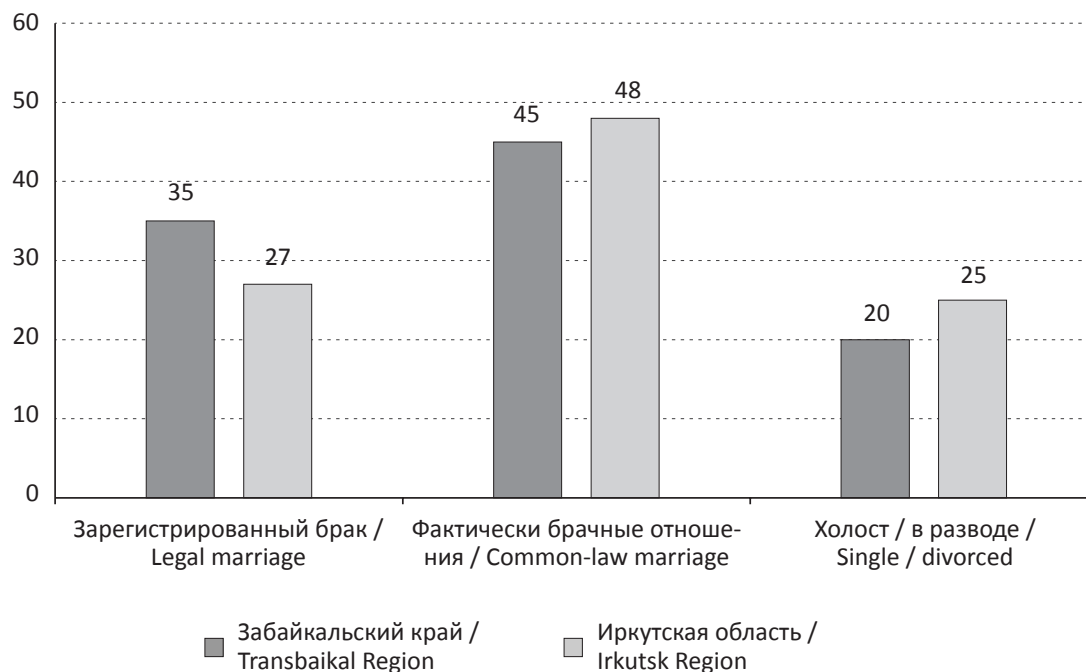
были служащими; оставшиеся 3 % составили разные категории лиц по социальному положению (лица, находящиеся на социальном обеспечении; пенсионеры и др.).

Следует отметить, что чаще всего жертвами корыстных посягательств становятся лица, занятые активной трудовой деятельностью, а потерпевшими от насильственных преступлений или иных, не связанных с корыстной мотивацией, чаще становятся лица, не имеющие постоянного источника дохода. Данное положение находит свое подтверждение на территории обоих рассматриваемых регионов.

Анализ семейного положения потерпевших от женщин-преступниц показал, что каждый второй как в Иркутской области, так и в Забайкальском крае находился в фактически брачных отношениях (сожительствовали) (48 и 45 %), остальные либо состояли в зарегистрированном браке (27 и 35 %), либо были холосты или в разводе (25 и 20 %) (рис. 3). Таким образом, большинство потерпевших имели семьи, и проблемы, возникающие при совместном проживании, часто способствовали их виктимному поведению, следствием которого стало причинение вреда потерпевшему.

Что же касается образовательного уровня потерпевших, то здесь сложилась следующая ситуация: среди рабочих большинство имели только среднее образование, почти треть из них (30 %) не имели даже полного среднего образования; предприниматели в основном имели высшее образование (54 %); служащие — практически в равном соотношении имели как высшее (45 %), так и среднее специальное (50 %) образование. Таким образом, незначительная доля жертв, будучи социально адаптированными (предприниматели, служащие и др.), имели достаточно высокий уровень образования. Однако представители доминирующих групп или еще учились, или уровень их образования был достаточно низок. Это часто свидетельствует о дезадаптивности этих людей, их неумении или нежелании найти выход из трудной жизненной ситуации или ситуации конфликта с преступницей.

И здесь важной составляющей становятся отношения преступника и жертвы, а также социальные связи, определяющие существо конфликтов, приведших к преступлению [7, с. 127]. Для их изучения анализировались следующие виды социальных связей: супружеские, родственные, соседские, дружеские, служебные, случайные,

Рис. 3. Семейное положение потерпевших от женской преступности в Забайкальском крае и Иркутской области в 2019 г., %

Fig. 3. Family status of victims of female crimes in Transbaikalia Region and Irkutsk Region in 2019, %

а также отсутствие связей, а взаимоотношения были ранжированы на хорошие, нейтральные, неприязненные и их отсутствие [8, с. 207].

Социальные связи определяют как существо конфликтов, приведших к преступлению, так и динамику развития криминальной ситуации [9, с. 94], а характер взаимоотношений между преступницей и потерпевшим, предшествующих преступлению, вносит существенные коррективы как в решение вопроса о возможности преступного посягательства, так и в выбор средств и способов совершения преступления [10, с. 66]. Так, в структуре жертв убийств, совершенных женщинами, преобладают лица, имевшие с преступницами определенные социальные связи, причем более половины были сожителями, супругами, родственниками или друзьями. При этом чаще всего жертвы убийств, совершенных женщинами, — это мужчины. В целом риск насильственной виктимизации от тяжких преступлений, совершаемых женщинами, для мужчин-потерпевших является высоким [11, р. 561].

В подавляющем большинстве случаев (86 %) женщина-убийца была знакома с потерпевшим до совершения преступления, в 38 % случаев жертвой становился ее супруг или сожитель (официально зарегистрированный или фактический), 17 % в структуре потерпевших приходится

на родственников женщины-убийцы, по 14 % — на соседей и сослуживцев. Анализ полученных данных объясняется значительной долей бытовых преступлений, закончившихся убийством одного из участников конфликта. Поводами для убийства женами своих мужей чаще всего становились пьянство мужа, измена, материальная необеспеченность, расхождения во взглядах на семейные обязанности.

Характеризуя взаимоотношения виновной и потерпевшего, отметим, что примерно в 50 % убийств и в 40 % случаев причинения тяжкого вреда здоровью они были неприязненными; в 30 % убийств и 20 % случаев причинения вреда здоровью — хорошие; нейтральные отношения установлены в 15 % изученных убийств и 25 % случаев причинения вреда здоровью. Отсутствие каких-либо взаимоотношений наблюдалось в 5 % убийств и 15 % случаев причинения тяжкого вреда здоровью.

Столь значительную долю потерпевших, находившихся с преступницей в хороших или нейтральных отношениях, можно объяснить тем, что большая их часть в момент совершения преступления находилась в состоянии алкогольного опьянения, причем употребление спиртных напитков проходило совместно с виновной. Часто в механизме совершения таких престу-

плений наблюдается инверсия ролей, особенно при виновном поведении самого потерпевшего.

Таким образом, можно сделать вывод, что виктимизация в рассматриваемых регионах имеет неблагоприятные тенденции, ее уровень увеличивается, причем в Иркутской области это происходит более быстрыми темпами, чем в Забайкальском крае. В структуре региональной виктимизации доминируют преступления против собственности, остальные доли занимают преступления против жизни и здоровья, против семьи и несовершеннолетних, а также против здоровья населения и общественной нравственности.

Характерными чертами потерпевших от региональной женской преступности являются: мужской пол в Иркутской области и равная частота встречаемости среди жертв обоих полов в Забайкальском крае; возрастная виктимность потерпевших, которой обладал каждый второй в Забайкальском крае и каждый третий в Иркутской области; значительная виктимогенная деформация личности у большинства потерпевших среднего возраста. У таких жертв отмечено виновное (неправомерное, аморальное или легкомысленное) поведение, в котором и реализуется их личностная виктимность. При этом в генезисе насильственных деяний такое поведение являлось определяющим моментом в механизме индивидуального преступного поведения на стадии принятия решения о совершении преступления. Нередко его наличие влекло за собой инверсию ролей.

Напротив, в генезисе корыстных преступлений доминировала половозрастная виктимность, часто сопровождавшаяся легкомысленным, неосмотрительным поведением жертвы. Потерпевшие от преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершенных женщинами, виктимизируются преимущественно в силу наличия у них возрастной виктимности, связанной с нейтральным или легкомысленным поведением жертвы.

Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых женщинами

Выявленная в ходе исследования специфика виктимологической характеристики преступлений, совершенных женщинами, явилась основой для коррекции мер общей и специальной профилактики региональной преступности, разработки мер по предупреждению как первичной, так и рецидивной виктимизации и девиктимизации потерпевших от преступлений,

совершаемых женщинами. В этой связи виктимологическое направление профилактики является необходимой составляющей в системе противодействия преступности, которое должно эффективно реализовываться благодаря организованности и комплексности мероприятий различного направления.

Следует заметить, что отсутствие на федеральном уровне отдельного законодательного акта, регулирующего вопросы организации системы виктимологической профилактики преступлений, недооценка роли гендерной проблемы и региональной специфики, утрата поддержки граждан обуславливают недостаточный уровень осуществления деятельности по предупреждению преступлений [12, с. 115]. Разработка и принятие соответствующих нормативно-правовых актов, раскрывающих основы виктимологической профилактики, определяющих полномочия ее субъектов, а также позволяющих упрочнить правовое положение лиц, пострадавших от преступлений, являются одной из профилактических мер, регулирующих процессы противодействия преступности.

Отдельные нормативно-правовые акты, действующие на территории исследуемых регионов, лишь опосредованно касаются вопросов виктимологической профилактики, меры которой ориентированы на преступность в целом, без учета специфики ее видов.

Следует отметить, что виктимологическая профилактика женской преступности тесно переплетается с общей системой предупредительных мер в целом и виктимологической профилактикой преступности в частности. Однако стоит подчеркнуть, что на территории Российской Федерации отсутствует единая и целенаправленная *виктимологическая политика государства* при наличии всесторонне разработанной ее теоретической базы. Существующие в стране общественные организации виктимологической или частично виктимологической направленности (кризисные центры, общества обманутых вкладчиков, общества защиты прав потребителей, Комитет солдатских матерей и т.п.) не объединены сознанием общности целей, в их идеологии слабо выражены собственно криминально-виктимологические мотивы, отсутствует стремление опереться на теоретическую базу отечественной и зарубежной виктимологии, что обуславливает их малую эффективность и неперспективность внедрения повсеместно в регионах [13, с. 104].

В этой связи можно предложить создание федерального виктимологического департамента с подчиненными ему территориальными отделениями, где иницилирующую роль выполняют институты гражданского общества, а организационную — органы государственной власти. Имеющийся положительный опыт ряда зарубежных стран доказывает эффективность реализации данной позиции, в том числе и в России [14, с. 63].

Обращаясь к региональному аспекту виктимологической профилактики женской преступности, следует отметить, что не только создание виктимологического департамента с его региональными отделениями позволит эффективно координировать работу государственных органов в данной сфере, этому будет способствовать и сотрудничество с общественными организациями и ассоциациями, специализирующимися на оказании поддержки пострадавшим гражданам в каждом конкретном случае. Это позволило бы вернуть доверие жертв преступных посягательств к государству, которое не смогло их защитить; уменьшить количество латентных преступлений; ускорить процесс психологической реабилитации потерпевших от таких видов женской преступности, как преступления против жизни и здоровья, семьи и несовершеннолетних и др.

В качестве примера можно привести функционирование консультационных центров для жертв насилия, созданных в Германии, финансирование которых осуществляется как со стороны общественных организаций, так и со стороны Министерства по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи [15, р. 32].

Проведение масштабных виктимологических исследований позволит своевременно реагировать на изменение уровня и структуры виктимизации, отслеживать ее латентный слой, выявлять изменения ситуативных факторов, в целом определять реальное состояние борьбы с преступностью на конкретной территории в текущий период и своевременно корректировать профилактические мероприятия. Реализация указанных мер может входить в компетенцию федерального виктимологического департамента, а сбор данных — в компетенцию его региональных отделений.

Так, в Германии существуют виктимологические опросы населения, которые, не заменяя официальную статистику, могут предоставить важную информацию о пределах и достовер-

ности статистических данных о преступности [16, р. 121]. Отметим, что в Германии такие исследования осуществляются нерегулярно, в отличие от США и Великобритании. Например, регулярно проводимый в Великобритании опрос о преступности и виктимизации предоставляет много важных информационных аспектов для науки, а также для криминальной политики и профилактики преступности в целом. В США исследования различных показателей виктимизации населения осуществляются юридическими школами крупных университетов, а в Японии — комплексными юридическими НИИ и НИИ полиции, имеющими специальные лаборатории психологии, воспитательной работы. Они изучают личность и поведение потерпевших, ущерб, понесенный ими, формы взаимоотношения жертвы с правонарушителями [17, с. 183].

Ведущую роль в региональной виктимологической профилактике женской преступности должны играть нравственно-воспитательные меры, среди которых наиболее существенными являются: осуществление образовательно-просветительской деятельности, повышение уровня нравственного сознания, воспитание граждан в духе уважения к человеческой личности, нетерпимости к проявлению различных форм насилия, а также разъяснение социальной и правовой природы различных преступных посягательств и их последствий.

Крайне важны при этом мероприятия, направленные на выявление и постановку на учет неблагополучных семей, в которых женщины ведут асоциальный образ жизни, поскольку именно в таких семьях, как правило, и проявляется насилие со стороны женщин в отношении детей и других членов семьи [8, с. 289]. Здесь представляется недооцененным со стороны правоприменительных органов восстановительный подход к разрешению ситуаций внутрисемейного насилия. Внедрение примирительных процедур при осуществлении правосудия в рамках реализации виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении детей женщинами-преступницами, важен для нормализации отношений в семье, инициирования участия правонарушительницы в исправлении нанесенного ею вреда [18, с. 180].

Внимание необходимо и неполным семьям с детьми, которые могут находиться в трудных жизненных ситуациях, для оказания им психологической и социальной помощи.

Важным представляется и осуществление коррекции межличностных и групповых отношений, складывающихся с раннего возраста в семье, детском саду, начальной школе, иных образовательных учреждениях. При этом гарантом виктимологического просвещения может стать надлежащая работа подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних, так как воспитательное воздействие, оказываемое на подростков, является эффективным способом профилактики взрослой преступности.

Особое внимание следует уделить *информационным мерам*, призванным наиболее полно и достоверно знакомить население с уровнем совершаемых преступлений разных видов, с мерами защиты себя и своих близких в случае причинения ущерба, а также снижению возможности увеличения потенциального количества жертв [19, с. 84]. Для этого необходима разработка правил поведения в опасных ситуациях, путей пресечения возможных конфликтов, обучение приемам простейшей самообороны. Эти сведения должны быть доведены до потенциальных жертв путем разъяснения через средства массовой информации, проведения лекций, раздачи листовок, демонстрации социальной рекламы, размещенной, например, в общественном транспорте, на улицах, в магазинах, досуговых учреждениях.

Используя вышеназванные информационные каналы, можно было бы также довести до сведения потенциальных потерпевших правовые пределы их защиты при противодействии преступнику в состоянии необходимой обороны, перечень действий, которые необходимы, если виктимизация уже произошла, адреса местонахождения, телефоны, названия сайтов служб, куда можно обратиться в этом случае [20, с. 102].

Вместе с тем указанные меры имеют преимущественно общесоциальную направленность, поэтому для достижения положительных результатов в данной области необходимо на-

ряду с ними осуществлять специально-криминологическую профилактику виктимизации на исследуемой территории.

Особенно здесь требует внимания работа по предупреждению рецидива виктимизации, где необходимо использовать меры, связанные с девиктимизацией потерпевших. В этой связи важной представляется организация в рамках региональных программ отдельных кабинетов или центров виктимологической помощи, особенно для жертв насильственных и корыстно-насильственных преступлений, а также проведение на их базе специализированных лекций для взрослой аудитории и интерактивных занятий для детей и подростков [8, с. 253].

В генезисе насильственных деяний, как показало исследование, определяющим моментом выступает способствующее поведение потерпевшего, нередко связанное с инверсией ролей. Для успешного предупреждения рецидива виктимизации следует тщательно выявлять в процессе расследования суть конфликта и при наличии доказательств такого поведения со стороны потерпевшего принимать процессуальные меры воздействия для блокировки подобных случаев в будущем.

Таким образом, региональная виктимологическая профилактика женской преступности представляет собой комплекс правовых, политических, организационно-управленческих, нравственно-воспитательных и информационных мер, а также мер восстановительного и процессуального характера, целью которых является сокращение количества преступных посягательств со стороны женщин, а соответственно, и снижение уровня виктимизации. Учет региональных особенностей последней, личности потерпевшего от преступлений, совершенных женщинами, видов виктимности жертв и их виктимного поведения поможет сделать виктимологическую профилактику более эффективной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России / Е.А. Алексеева. — DOI 10.24411/1999-6241-2020-11016 // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2020. — Т. 25, № 1. — С. 105–112.
2. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин / Ю.М. Антонян. — Москва : Рос. право, 1992. — 256 с.
3. Волкова А.С. О некоторых современных тенденциях женской преступности в России / А.С. Волкова // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 62–65.
4. Телегина Е.Г. Виктимологическая характеристика личности потерпевшего от женской насильственной преступности / Е.Г. Телегина // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2016. — № 9. — С. 62–64.
5. Синьков Д.В. Некоторые проблемы виктимологической профилактики женской преступности / Д.В. Синьков // Российский следователь. — 2009. — № 3. — С. 26–27.
6. Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних / В.Я. Рыбальская. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. — 134 с.

7. Вандышев В.В. Криминология : учебник / В.В. Вандышев. — Москва : Экспресс, 2013. — 432 с.
8. Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / А.Л. Репецкая, Д.В. Синьков, С.А. Корягина [и др.]. — Москва : Academia, 2009. — 304 с.
9. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений / Д.В. Ривман. — Ленинград, 1975. — 154 с.
10. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике / А.Л. Репецкая. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — 151 с.
11. Lauritsen J.L. Gender differences in risk factors for violent victimization: An examination of individual-, family-, and community-level predictors / J.L. Lauritsen, K. Carbone-Lopez. — DOI 10.1177/0022427810395356 // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. — 2011. — Vol. 48, iss. 4. — P. 538–565.
12. Маковецкая Е.В. Предупреждение женской преступности (по материалам Южного федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Маковецкая. — Волгоград, 2015. — 220 с.
13. Вишневецкий К.В. Зарубежный опыт виктимологической профилактики преступлений и перспективы ее развития в России / К.В. Вишневецкий // *Современное право*. — 2008. — № 2. — С. 104–108.
14. Шалагин А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика / А.Е. Шалагин // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. — 2017. — № 1. — С. 62–65.
15. Tomaszewska-Jedrysiak P. Youth sexual aggression and victimization in Germany stakeholders' and experts' perspectives / P. Tomaszewska-Jedrysiak. — Potsdam : Univ. of Potsdam, 2013. — 40 p.
16. Kury H. Limits of victimisation surveys / H. Kury // *Victimisation Surveys in Germany*. — 2017. — № 3. — P. 120–124.
17. Криминология : учебник / под ред. В.Д. Малкова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юстицинформ, 2011. — 544 с.
18. Зырянова Ю.В. Виктимологическая профилактика насилия, совершенного в семье в отношении несовершеннолетних / Ю.В. Зырянова, А.Л. Репецкая // *Библиотека криминалиста*. — 2016. — № 2 (25). — С. 176–182.
19. Чумичкин А.С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.С. Чумичкин. — Москва, 2019. — 197 с.
20. Щербакова Л.Ю. Виктимологический аспект преступности: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.Ю. Щербакова. — Санкт-Петербург, 2005. — 178 с.

REFERENCES

1. Alexeeva E.A. Modern Tendencies in Development of Female Crimes in Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 105–112. (In Russian). DOI: 10.24411/1999-6241-2020-11016.
2. Antonjan Ju.M. *Crime among females*. Moscow, Rossiiskoe Pravo Publ., 1992. 256 p.
3. Volkova A.S. Current Trends in Female Crime in Russia. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 1, pp. 62–65. (In Russian).
4. Telegina E.G. Victimological personal characteristics of the personality of the victim of violent female crime. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii = Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of law*, 2016, no. 9, pp. 62–64. (In Russian).
5. Sinkov D.V. Some problems of victimological prevention of female crime. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2009, no. 3, pp. 26–27. (In Russian).
6. Rybalskaya V.Ya. *Victimological Issues of Juvenile Crime*. Irkutsk State University Publ., 1983. 134 p.
7. Vandyshev V.V. *Criminology*. Moscow, Ekspress Publ., 2013. 432 p.
8. Repetskaya A.L., Sinkov D.V., Koryagina S.A., Sudakova T.M., Ostrovskikh J.V. *Victimological Characteristics of Regional Criminality and its Prevention*. Moscow, Academia Publ., 2009. 304 p.
9. Rivman D.V. *Victimological Factors and Crime Prevention*. Leningrad, 1975. 154 p.
10. Repetskaya A.L. *Guilty Conduct of a Complainant and Principle of Justice in Criminal Policy*. Irkutsk State University Publ., 1994. 151 p.
11. Lauritsen J.L., Carbone-Lopez K. Gender differences in risk factors for violent victimization: An examination of individual-, family-, and community-level predictors. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2011, vol. 48, iss. 4, pp. 538–565. DOI: 10.1177/0022427810395356.
12. Makovetskaya E.V. *Prevention of female crime (on the materials of Southern Federal Districts)*. Cand. Diss. Volgograd, 2015. 220 p.
13. Vishnevetskii K.V. Foreign experience in the victimological prevention of crimes and the prospects of its development in Russia. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2008, no. 2, pp. 104–108. (In Russian).
14. Shalagin A.E. Criminal Victimology: Concept, Contents and Prevention. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2017, no. 1, pp. 62–65. (In Russian).
15. Tomaszewska-Jedrysiak P. *Youth Sexual Aggression and Victimization in Germany Stakeholders' and Experts' Perspectives*. Potsdam, University of Potsdam, 2013. 40 p.
16. Kury H. Limits of Victimisation Surveys. *Victimisation Surveys in Germany*, 2017, no. 3, pp. 120–124.
17. Malkov V. D. (ed.). *Criminology*. 4th ed. Moscow, Yustitsinform Publ., 2011. 544 p.
18. Zyryanova Yu.V., Repetskaya A.L. Victimologic Prevention of Violence Perpetrated in Families Against Minors. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2016, no. 2, pp. 176–182. (In Russian).
19. Chumichkin A.S. *Victimological prevention of crimes against law enforcement employees*. Cand. Diss. Moscow, 2019. 197 p.
20. Shcherbakova L.Yu. *Victimological aspect of crime: problems of theory and practice*. Cand. Diss. Saint Petersburg, 2005. 178 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Репецкая Анна Леонидовна — заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета, профессор кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: repetsk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4796-3969>; Researcher ID Q-5459-2016.

Кононыхина Татьяна Сергеевна — преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: tskononykhina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9102-761X>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Репецкая А.Л. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект) / А.Л. Репецкая, Т.С. Кононыхина. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 6. — С. 702–713.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Repetskaya, Anna L. — Head, Department of Criminological Research, Institute of Legal Research, Baikal State University, Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: repetsk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4796-3969>; Researcher ID Q-5459-2016.

Kononykhina, Tatyana S. — Lecturer, Chair of Civil and Criminal Law and Process, Chita institute (branch) of Baikal State University, Chita, the Russian Federation; e-mail: tskononykhina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9102-761X>.

FOR CITATION

Repetskaya A.L., Kononykhina T.S. Victimological characteristics and prevention of crimes committed by women (regional aspect). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 6, pp. 702–713. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713.